

УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-121-125

Конев Андрей Николаевич
Andrey N. Konev

доктор технических наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник

Академия управления МВД России (125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

doctor of technical sciences, candidate of sciences (law), associate professor, head

Academy of management Ministry of internal affairs of Russia (8 Zoe and Alexander Kosmodemyan-skih st., Moscow, Russian Federation, 125171)

E-mail: press_akadem@mvd.gov.ru

Идеологический взгляд на состязательность и инквизиционность через метод бинарных оппозиций

Ideological view of competition and inquisition through the method of binary oppositions

«Бинарный подход» в уголовном процессе зачастую используется как инструмент идеологического противопоставления принципов. Имеющаяся традиция, навязывающая в качестве отрицающих друг друга полюсов уголовного процесса состязательность и розыск, является скорее идеологической конвенцией, чем научно обоснованной теорией. Настоящие бинарные оппозиции, способные приблизить к сущности уголовного судопроизводства, находятся гораздо глубже уровней, обозначенных современной типологией. Острая противоречивость указанным элементам бинарной оппозиции свойственна лишь в «древнем» мировоззренческом контексте, программирующем их изначально противоположное отношение к рациональности. Базовый концепт состязательности актуализируется в контексте иррационального мировоззрения, в то время как базовый концепт инквизиционности активизируется на волне внедрения и укрепления рационального мировоззрения.

Ключевые слова: состязательность, инквизиционность, принципы уголовного процесса, идеологические основы уголовного процесса, бинарные оппозиции.

The “binary approach” in criminal proceedings is often used as a tool for ideological opposition of principles. The existing tradition, which imposes competition and search as negating poles of the criminal process, is more an ideological Convention than a scientifically based theory. Real binary oppositions that can bring us closer to the essence of criminal proceedings are much deeper than the levels indicated by modern typology. The sharp inconsistency of these elements of binary opposition is characteristic only in the «ancient» worldview context, programming their initially opposite attitude to rationality. The basic concept of competition is actualized in the context of an irrational worldview, while the basic concept of inquisitionism is activated in the Wake of the introduction and strengthening of a rational worldview.

Keywords: competitiveness, inquisitionist, principles of the criminal process, the ideological foundations of the criminal process, the binary opposition.

Стремление к определенной гармонии побудило ученых выдвинуть гипотезу о существовании бинарной системы принципов уголовного процесса и разработать соответствующую этой гипотезе концепцию. Приверженцами этой концепции выступают и некоторые представители Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов: среди них профессора А.С. Алексан-

дров и Н.Н. Ковтун (к слову, яркие сторонники состязательной идеологии). С помощью бинарной системы принципов уголовного процесса эти и другие ученые попытались объяснить природу смешанного уголовного процесса и создать методологический инструментарий, способный выявлять сущностные противоречия, возникающие в сфере правового регулирова-

© Конев А.Н., 2020

ния уголовно-процессуальной деятельности [1, с. 107—128].

Однако «бинарный подход» в современном уголовном процессе зачастую из методологического инструмента превращается в орудие идеологических баталий. По нашим наблюдениям, к этому подходу, как правило, прибегают исследователи, имеющие четко выраженные идеологические предпочтения. Дело в том, что в уголовном процессе широкий «бинарный подход» трансформируется в свою крайнюю форму — «метод бинарной оппозиции», который невольно усиливает конфронтацию.

В инструментальном смысле «метод бинарной оппозиции» предполагает, что одни качества элементов системы маркируются как положительные, а противопоставляемые им — как отрицательные. Это правило универсально для любых сфер познания. Так, к примеру, филолог О.А. Кривенко подчеркивает, что в «методологии выявления бинарных оппозиций одновременно рассматриваются два противоположных понятия: одно из них утверждает какое-либо качество, а другое — отрицает. По мнению ученого-лингвиста русского зарубежья Н.С. Трубецкого, бинарные оппозиции выступают универсальным средством рационального описания картины мира» [2, с. 43].

Закономерен вопрос, насколько вообще в теории принципов, в том числе «типологических принципов», уместен такой категоричный бинарный взгляд. По нашему мнению, подобное бинарное допущение должно работать исключительно в рамках презюмируемой целостности уголовного судопроизводства. Причем сами определители «положительный» и «отрицательный» в рамках «бинарного подхода» не должны иметь какого-то предвзятого этического смысла и привязываться к обыденным смысловым формулам «хороший» или «плохой» соответственно.

Здесь более уместен «физический» взгляд на бинарные оппозиции, где маркеры «положительный» и «отрицательный» есть лишь обозначения полюсов, между которыми течет условный электрический ток. Правда, здесь возникает вопрос о том, что в уголовном судопроизводстве рассматривать в качестве таких полюсов. Вопрос этот не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Имеющаяся традиция, навязывающая в качестве отрицающих друг друга полюсов уголовного процесса состязательность и розыск, является, скорее, идеологической конвенцией, чем научно обоснованной теорией.

К сожалению, в уголовном судопроизводстве «бинарный подход» к построению системы принципов изначально поражен идеологическим «вирусом». И в силу этой зараженности он становится идеологически ангажированным: система принципов, лежащая в основании состязательной модели уголовного судопроизводства, признается исключительным благом, к которому следует стремиться, а система идей, определяющих розыскной тип уголовного процесса, констатируется неприемлемым пережитком и даже злом для современного общества.

Однако при таком предвзятом идеологическом взгляде на «типологические принципы» теряется сам смысл противопоставления, утекает познавательная суть «бинарного подхода»; из добротного методологического инструмента познания он превращается в идеологическое средство пропаганды, причем не в самом лучшем его варианте. Кроме того, идеологическая ангажированность «бинарного подхода» само противопоставление «полюсов» превращает в самоцель. И не только в самоцель, но и в навязчивую эстетическую установку. Подсознательная устремленность к красоте противопоставления розыскного и состязательного полюсов заставляет исследователей отходить от объективности и заниматься нужной для состязательной идеологии «теоретической подгонкой» оппозиций.

Уголовно-процессуальная наука осознает опасность идеологической ангажированности бинарного подхода, поэтому метод «бинарных оппозиций» больше востребован в «политической типологии» уголовного процесса, нежели в идеологически умеренных теоретических блоках учения о принципах. Выход для преодоления острой идеологичности здесь был найден такой: от категоричного идеологического противопоставления здесь отказались в сторону умеренного теоретического сопоставления. Поэтому диалектика взаимодействия противоположных идей-принципов (все-таки сама констатация их противоположности и в рамках «сопоставленческой версии» бинарного подхода сохраняется) проводится не с позиции «положительный — отрицательный», а с точки зрения доминирующего или дополнительного положения противоположных элементов в реальной системе принципов. Данный подход был в свое время сформулирован Е.В. Васьковским. Суть его позиции заключалась в констатации того, что в бинарной системе из двух противоположных принципов, тот, который оказывается в данной системе преимущественным, называ-

ется доминирующим, а противоположный — дополнителем [цит. по: 1, с. 113].

Но вернемся снова к вопросу о том, что в уголовном судопроизводстве рассматривать в качестве идеологически нейтральных полюсов, имеющих противоположную природу лишь на «физическом уровне». Мы установили, что бинарные оппозиции в существующей реальной системе принципов, как, правило, привязываются к идеям, обитающим в сфере абстрактной типологической инквизиционности или состязательности. Подобные привязки, на наш взгляд, не отвечают требованию научной глубины и не дают истинных представлений о «полюсах».

Настоящие бинарные оппозиции, способные приблизить нас к сущности уголовного судопроизводства, находятся гораздо глубже уровней, обозначенных современной типологией. Современная теория смотрит на оппозиции с точки зрения их нынешнего состояния и интерпретации. Даже в рамках теоретической типологии эти оппозиции невольно подвергаются модернизации, в то время как настоящее понимание требует ретроспективного мышления (на мысль о модернизации нас натолкнул М.А. Чельцов-Бебутов. Критикуя буржуазную историю суда и уголовного процесса, он отметил: «Двумя основными искажениями истории суда и процесса буржуазными учеными являлась модернизация исторических фактов и сужение предмета изучения. Модернизация состоит в том, что любой вид разрешения конфликтов считается судебным процессом» [3, с. 21]).

Шуров А.Ю., осознавший эвристический потенциал ретроспекции, пишет: «Тенденция противопоставления розыска и состязательности тянется из глубокой истории процесса. В момент непосредственного соприкосновения и сосуществования обвинительного типа процесса и процесса розыскного типа идеи, лежащие в их основе, были разнополюсными. И разошлись они по методологическому основанию, выводимому из рациональности этих фундаментальных концептов. Так, если пробираться к сущности ранней состязательности обвинительного процесса, то можно неизбежно прийти к заключению о том, что идея раннего состязательного процесса в своей основе опиралась на иррациональные начала, а идея розыскного процесса — на рациональные» [4, с. 281].

Как видим, А.Ю. Шуров в очередной раз пытается показать, что бинарная оппозиция состязательности и инквизиционности носит диалектический характер, она развивается из полюсов, существующих на шкале человеческой рацио-

нальности. Постараемся развить эту мысль. На наш взгляд, диалектичность здесь заключается в эволюционном взгляде на отношения, формирующие эту оппозиционность, предполагающем историческую тенденцию снижения «накала» противостояния (в методологическом ключе). Острая противоречивость указанным элементам бинарной оппозиции свойственна лишь в «древнем» мировоззренческом контексте, программирующем их изначально противоположное отношение к рациональности (рациональному методу общения с миром). Но и это отношение к рациональности тоже может быть правильно истолковано только в диалектическом ключе.

Мы полагаем, что это отношение формируется не в ходе исторической конкуренции, которая сегодня преподносится как неотъемлемый атрибут всяких отношений. Предпосылки этого противоречия заложены на генетическом уровне. Для верной интерпретации сути отношений состязательности и розыска (инквизиционности) весьма важно держать в уме, что базовый концепт состязательности «прорастает» в контексте иррационального мировоззрения, в то время как базовый концепт инквизиционности «дает всходы» на волне внедрения и укрепления рационального мировоззрения.

Современным свидетельством правильности подобного генетического взгляда на истоки и диалектику бинарной оппозиции состязательности и инквизиционности является бинарное выделение в типологических принципах процесса идей, констатирующих «религиозное» отношение к рациональности. В уголовном процессе розыскного типа это — принцип объективной истины, а в рамках состязательного процесса — принцип формальной истины. Впрочем, оговоримся, что подобный взгляд на эти принципы можно признать почти общепринятым и устоявшимся. Более того, некоторые исследователи пытаются идти дальше и формулируют принцип объективной истины в рамках типологических принципов, приписываемых уголовному процессу розыскного типа, весьма уничижительно, как объективизм (впрочем, уничижительно принцип «объективизма» выглядит лишь в контексте противопоставления его состязательному принципу «истины») (именно так у А.В. Смирнова [5, с. 124]), а вот в работе В.И. Громова среди принципов расследования «беспристрастный, спокойный объективизм расследования» выглядит весьма положительно [6, с. 30].

Для формирования особого взгляда на диалектику исследуемых опорных концептов об-

ратим еще раз внимание на тезис А.Ю. Шурова о том, что острая противоречивость свойственна этим концептам лишь в контексте «их изначального отношения к рациональному методу познания». Для сущностного понимания этой особенности необходимо погружение в исторический мировоззренческий контекст. Именно в этом контексте открывается понимание того, что опорный концепт в воплощении ранней состязательности не отрицает рациональность: он просто не знает ее в том понимании, которое присуще нашему рациональному поколению.

Говоря иначе, практическое значение рациональности в момент внедрения в рассмотрение конфликтов базового концепта состязательности крайне несущественно. Имеющейся на то время в распоряжении человечества практической рациональности оказывается недостаточно для достижения целей судопроизводства (в соответствующем тому историческому периоду понимании), и поэтому эти цели достигаются иррациональными методами. Достаточно здесь для иллюстрации вспомнить исторический «процедурный сюжет»: если обвиняемый (в его «древнем» понимании) не признавал предъявленного ему судом обвинения, то этим рациональные способы урегулирования конфликта в суде и исчерпывались и стороны по обоюдному согласию переходили к нерациональным средствам выяснения истины — к Божьему суду, в частности, к поединку.

Однако этот безликий сюжет зачастую трактуется всего лишь как иллюстрация «рациональной убогости» древнего уголовного процесса или же как проявление большего уважения древнего человека суду божескому, чем к людскому. Нам же представляется, что в приведенном сюжете налицо еще одна линия, не замечаемая исследователями, — это линия пусть изначально малого, но все же присутствия рациональности (не полного отсутствия, а малого присутствия). И в этой связи взгляд на эволюцию уголовного процесса как на последовательное мирное движение от иррациональности к рациональности (в плане точки отсчета принимается полнейшая иррациональность) представляется, на наш взгляд, не совсем верным. Рациональность и иррациональность как «прима-концепты», на которые опираются базовые концепты инквизиционности и состязательности, возникают не последовательно, не в ходе какой-то исторической преемственности. Они возникают одновременно. И вся диалектика оппозиционного противостояния состязатель-

ности и инквизиционности заключается лишь в степени методологического внедрения этих «прима-концептов». Причем, у нас есть предчувствие, что и само по себе концептуальное выделение рационального и иррационального полюсов есть лишь древняя форма применения бинарного подхода к более высокому принципу, который условно можно назвать принципом Знания или (что, возможно, ближе к сути) принципом Истины.

И с этих позиций главный мировоззренческий вопрос для уголовного судопроизводства выливается в идеологическое допущение того, кто управляет этим принципом Истины — Бог или человек? Поэтому и в качестве конкурирующих идеологических основ в этом мировоззренческом развороте выступают концепции «теоцентризма» и «антропоцентризма». Между этими концепциями тоже существуют очень сложные отношения.

С одной стороны, все выглядит достаточно просто и прямолинейно. Весьма легко додуматься до предположения, что вся история развития уголовного судопроизводства есть история борьбы человека за свое человеческое право на антропогенное правосудие. Изначально правосудие имеет своим источником божественное начало, и главным (а по сути, и единственным) средством общения с Верховным судьей — Богом — является судебный ритуал. И в этом смысле судебный ритуал по направленности своей символики мало отличается от церковного обряда. Судебное состязание, таким образом, обращено не к судье — человеку, а к высшим силам (отсюда и название «суд божий»). Именно в такой мировоззренческой обстановке божественной монополии на правосудие и появляется ритуальная состязательность. И эта историческая преемственность на метафизическом уровне сохраняется и в современной состязательности.

В свою очередь инквизиционность зарождается из потребности человека в освобождении правосудия от божественной опеки. Пытаясь через просвещение занять место бога в социальной жизни, человек с теми же устремлениями действовал и в мире юридических процессов. Поэтому слово «свобода» в контексте эволюции уголовного судопроизводства как раз и означает вполне конкретное «богоборчество». К примеру, термин «свобода оценки доказательств» говорит о том, что произошло это тайное освобождение человека от оков иррациональных ограничений, зашифрованных в формальной оценке доказательств.

Однако было бы навивным полагать, будто борьба рационального и иррационального полюсов в современном уголовном судопроизводстве закончена. Вовсе нет. Именно эта вечная борьба (хотя маркер «борьба» лишь свидетельство идеологической инерции нашего мышления), присутствующая на скрытом уровне, проявляется и на явном уровне современной конкуренции состязательности и инквизиционности. Но это не есть борьба за выживание. В этой борьбе не столь просто и прямолинейно. Так вот, насколько человек всегда был нужен «божественному правосудию», настолько и современному человеческому правосудию нужна «божественная искра». И именно ритуальная, обрядовая сторона в ее судебном воплощении позволяет сделать иррациональные вкрапления в современный рациональный уголовный процесс. Метафорически это можно выразить так: бог не изгнан из уголовного процесса, а лишь переведен на нелегальное положение. Причем это нелегальное положение подсознательно пытается трансформироваться в высокий судебный статус. В современной юриспруденции слово «суд» несет в себе и особый высший смысл, который как раз и питается из тайного источника «божественных предков» правосудия.

Сказанным мы создаем предпосылки для понимания того, что даже смягченный сопоставленческий «бинарный подход» к построению системы принципов уголовного судопроизводства не может игнорировать сложившегося идеологического контекста, поскольку сам этот контекст является существенным фактором, оказывающим влияние на формирование исследовательских схем. В рамках уголовно-процессуальной концептологии это означает, что данный контекст должен выявляться и диагностироваться.

Примечания

1. Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. 331 с.
2. Кривенко О.А. Бинарные оппозиции в творчестве К.Н. Леонтьева (на примере произведений «Дитя души» и «Одиссей Полихрониадес») // Армия и общество. 2014. № 1 (38).
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовного-процессуального права. М., 1957. Т. 1.
4. Шуров А.Ю. Античные корни состязательности и розыска (инквизиционности) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 4 (36).
5. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2000.
6. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений: Осмотр места преступления. М., 2003.

References

1. Kovtun N.N. Judicial control in criminal proceedings of Russia: monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod law academy, 2002. 331 p. (In Russ.)
2. Krivenko O.A. Binary oppositions in the work of K.N. Leontiev (on the example of the works "Child of the soul" and "Odyssey Polychroniades"). *Army and societ*, 2014, no. 1 (38). (In Russ.)
3. Cheltsov-Bebutov M.A. Course of the Soviet criminal procedure law. Moscow, 1957. Vol. 1. (In Russ.)
4. Shurov A.Yu. Ancient roots of competition and search (inquisitoriality). *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2016, no. 4 (36). (In Russ.)
5. Smirnov A.V. Models of the criminal process. St. Petersburg, 2000. (In Russ.)
6. Gromov V.I. Inquiry and preliminary investigation: Methods of investigation of crimes: Inspection of the crime scene. Moscow, 2003. (In Russ.)